

А. Я. НЕВСКИЙ.

Заведующий сектором Государственного музея А. С. Пушкина

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В РУССКОЙ СТИХОТВОРНОЙ ЭПИТАФИИ 1-й ТРЕТИ XI ВЕКА

События Отечественной войны 1812 г. нашли отражение в стихотворной эпитафии — жанре ныне забытом, а когда-то широко распространенном в русской литературе.

«Гроза двенадцатого года», принеся гибель тысячам людей, вызвала появление многочисленных надгробных стихотворных надписей на могильных плитах, на стенах родовых склепов, на страницах журналов. Прежде всего это были эпитафии погибшим в сражениях или умершим в ходе боевых действий от ран и болезней. Опубликованные, в большинстве своем, в периодической печати, альманахах и беллетристических сборниках, они, как правило, помещались в традиционных для русских периодических изданий того времени разделы — «эпитафии» или «надгробия». И сами сочинители, и читающая публика воспринимали их как явление прежде всего литературное, что указывало на эволюцию жанра, объединившего, к началу XIX столетия два понятия, различавшиеся в древности: «эпитафию», непосредственно предназначавшуюся для надгробных памятников, и «кенотафию», которая, как указывал «Словарь древней и новой поэзии» Н. Остолопова, «пишется для отдаленно-умершего, или, как должно предполагать, вырезывается на (...) гробницах пустых, то есть не содержащих в себе тела покойника, но поставленных только для воспоминания».ⁱ

Классические эпитафии, в которых «коротко умершего пороки или добродетели изъясняются»,ⁱⁱ должны были иметь слог «отличающийся важностью и благородной простотою»ⁱⁱⁱ. Типологическим образцом, для нас может служить надпись на могиле П. И. Багратиона, скончавшегося от ран, полученных на Бородинском поле, в с. Симе Владимирской губернии:

«Прохожий, в Симе зри того Героя прах,
Который Гром метал на Альп а высотах,
Бог — рати — он, слуга Отечества и Трона
Здесь кончил жизнь свою, разя Наполеона».^{iv}

Заметим, что эпитафия имела необычную подпись: «Племянник Суворова правой его руке в селе Симе марта 7-го дня 1813 года граф Хвостов». Указывая на свое родство с Суворовым (как известно, Д. И. Хвостов был женат на племяннице генералиссимуса А. И. Горчаковой), автор строк, обращенных в бессмертие, суетно напоминал публике не только о славных страницах военной карьеры Багратиона, но и лестном факте собственной биографии.

С той же подписью, но в несколько измененном виде, эпитафия была помещена в «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814). При этом оказались исправленными две последние строки:

«Защитник ревностный Отечества и Трона,
Он кончил жизнь свою, разя Наполеона».^v

Подготовленный для публикации литературный текст не требовал точного указания на место погребения.

В 1839 г., когда прах Багратиона перенесли на Бородинское поле, стихотворная эпитафия уже в значительной мере утратила свою популярность в России, и на новую могильную плиту поместили официально-лаконичную надпись.

Сопоставление текстов стихотворных эпитафий 1812 — 1814 гг. позволяет увидеть, что многие авторы, старательно следуя канонам, копировали более или менее удачные образцы своих предшественников. Так, в 1813 г. журнал «Сын Отечества» опубликовал три «надгробия» Н. Ф. Эмина фельдмаршалу М. И. Кутузову.^{vi} Последние строки каждого из них («Спаситель Царств, Царей Кутузов здесь лежит», «Кутузов здесь лежит», «Здесь лежит князь Кутузов Смоленский») представляли собой перифраз знаменитой державинской эпитафии: «Здесь лежит Суворов».

Рядом с надгробными надписями солдатам, офицерам, военачальникам, эпитафии мирным жителям, умершим во время вражеского нашествия, встречаются нечасто, но вызывают особое чувство. Сохранился рассказ московской жительницы Е. Л. Похорской, которая вынуждена была остаться в захваченной французами Москве с грудным сыном на руках. В возрасте четырех месяцев мальчик умер от голода. Отец ребенка, дьякон церкви Петра и Павла на Якиманке, сочинил и сам вырезал на могильном камне младенца надпись:

«Отселе на аршин
При Галлах скрыт мой сын».^{vii}

Известно немало случаев, когда эпитафии писались не на смерть одного человека, а посвящались погибшим армиям, разрушенным городам, сожженным поместьям. Среди многочисленных поэтических откликов современников на битвы Отечественной войны 1812 г. значительное место занимают «стихотворные надгробия» в честь павших при Бородине.

«Чем в надписи почтить героев боле:
Они легли на Бородинское поле!»^{viii}

Эту эпитафию военный и литератор А. А. Писарев сочинил «Убитым в Бородинском сражении г/осподам/ офицерам лейб-гвардии Семеновскому полку».

Проследить движение стихотворной эпитафии в русской лирической поэзии позволяют не только тексты, написанные в строгом соответствии с «пиитиками», но и примеры взаимодействия различных жанров.

Одной из характерных черт для надгробной надписи являлось обращение к прохожим. Традиция, зародившаяся в античную эпоху, когда некрополи размещались вблизи больших дорог, превратилась в распространенный литературный прием. К примеру, известное стихотворение Н. Д. Иванчина-Писарева «Бородинское поле» начиналось со слов: «Стой, Росс! Ты подошел к полям Бородина», а заканчивалось строками:

«Российский Марафон, село Бородино!
Ты славою славян в бессмертье заблесташь,
Твоим святым холмам отныне суждено
Вещать: о смертный, стой! Бессмертных попираешь!»^{ix}

Практически неисследованной оказалась и проблема бытования в 1812 г. сатирических эпитафий, «которые суть те же эпиграммы, не только в форме нагробий».^x Их было немало среди антифранцузских памфлетов, басен, куплетов, переполнивших страницы русских газет и журналов.

Воля императора Франции уже управляла сотнями тысяч жизней, а Г. Р. Державин уже публиковал свою «Эпитафию завоевателю»:

«Под камнем сим лежит Батый — Наполеон,
Величье было их — ужасный сон!»^{xi}

Многочисленные «надгробия французам на Руси» создавались на протяжении 1812 — 1814 гг. вплоть до полного разгрома Великой армии, когда сатирическая эпитафия как бы вновь приобрела свое первоначальное значение надгробной надписи:

«Великой нации сыны непобедимы,

Победы, слава, спесь — в могиле сей лежат. —
— «Но кто ж их разгромил полки неодолимы?» —
Непобедимейших в лице гром, хлад и глад». ^{xii}

Изучение стихотворной эпитафии периода Отечественной войны 1812 г. не только расширяет наше представление об эволюции русской лирики первой половины XIX в., но и помогает осмыслить культурные ценности эпохи, верившей в то, что «к Родине любовь зажгут отцов могилы». ^{xiii}

ⁱ Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии. Спб., 1821, ч. 2. С. 45.

ⁱⁱ Правила пиитические о стихотворении российском и латинском. М., 1795. С. 41—42.

ⁱⁱⁱ Греч Н. И. Учебная книга российской словесности. Спб., 1820, ч. 3. С. 259.

^{iv} В к. Николай Михайлович Российский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 61.

^v Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814, ч. 1. С. 245.

^{vi} Сын Отечества. 1813, ч. 6. № 24. С. 210.

^{vii} Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912. С. 55.

^{viii} Писарев А. А. Военные письма и замечания наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году. М., 1817, ч. 2. С. 433.

^{ix} Иванчин-Писарев Н. Д. Сочинения и переводы в стихах. М., 1819. С. 81—82.

^x Георгиевский П. Руководство к изучению русской словесности. Спб., 1836, ч. 4. С. 279.

^{xi} Сын Отечества. 1812, ч. 1. № 6. С. 254.

^{xii} Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814, ч. 2. С. 247.

^{xiii} Жуковский В. А. Сочинения в стихах и прозе. Спб., 1901. С. 80.